

Со своей новой прической и подстриженной бородой, а также в парадной мантии, подходящей для любого лорда, Сириус сверкал под резкими вспышками скопления фотографий прессы. Однако причиной этой искры была даже не министерская апология, объявляющая Сириуса Блэка свободным волшебником, которую он держал в руке. Нет, это его крестник, гордо стоящий рядом с ним, заставлял Сириуса сиять.

Мародер также знал, что Гарри Поттер, стоящий рядом с ним таким образом, в глазах британского волшебного сообщества узаконит его невиновность гораздо больше, чем любой кусок пергамента с подписью Фаджа. Альбус, хмуро стоявший в углу, ни на йоту не повлиял на сегодняшние события, что, вероятно, усилило угрюмость Дамблдора.

С обещанием будущей финансовой компенсации за неправомерное заключение Сириус был действительно счастливым волшебником.

Министр магии был еще одним серьезно счастливым волшебником. Да, Блэк будет стоять между ним и Поттером на фотографиях, фотографии гарантированно украсят завтрашние первые полосы, но, по крайней мере, Корнелиус был в кадре.

Он слишком долго был политиком, чтобы не заметить, что Альбус, похоже, не в ладах с этой парой, и в его книге все было хорошо. Если Поттер нуждался в политическом наблюдателе, чтобы защитить его от бюрократии Министерства и старых семейных игр власти, которые попытались бы сбить его с толку, он не мог бы сделать ничего лучше, чем нынешний министр магии в качестве наставника. То, что такая договоренность значительно повысила бы общественную популярность Корнелиуса, было просто вишенкой на торте.

После того, как Альбус привел Сириуса и Гарри в Министерство, Альбус больше не принимал участия в сегодняшнем мероприятии. Его не спросили о его мнении и не попросили проголосовать за невиновность Сириуса. Допрос Сириуса под сывороткой правды перед полным Визенгамотом, переполненной публикой и прессой не оставил бывшего узника Азкабана без ответа. Поскольку против него никогда не было выдвинуто никаких обвинений, единственное, в чем он был виновен, так это в том, что он был незарегистрированным анимагом, Сириус Блэк покинул сессию с министерскими извинениями, а не с помилованием, которое, как думал Альбус, было результатом.

Альбус теребил Жезл Судьбы в кармане. То, что он больше не может говорить, что это его палочка, стало очевидным для старого волшебника, как только Минерва вернула его ему этим утром. Одно за другим Альбус терял свои преимущества в борьбе с Волдемортом. Его секреты стали известны, хотя Альбус считал целесообразным не упоминать прошлой ночью, что Гарри, стоя и позволяя Волдеморту ударить себя смертельным проклятием, может быть способом выкинуть этот крестраж из головы мальчика. Его положение в Ордене в настоящее время в лучшем случае описывалось как предварительное. Передача этой информации группе членов Ордена, с которыми он встретился прошлой ночью, несомненно, привела бы к его исключению.

Что действительно раздражало Альбуса, так это то, что он не знал наверняка, кто новый владелец палочки. Уильям Уизли явно победил его в бою, хотя и не волшебным образом. Альбус не знал, кто наложил на него мощное ошеломляющее заклинание, но Гарри явно

забрал палочку у него самого.

Если лично для него дела пойдут хуже, передача Бузинной палочки ее новому владельцу — при условии, что этим владельцем был Гарри — может стать последней картой, которую ему осталось разыграть. Его раздражение по поводу неразумного поведения Гарри, которое привело к тому, что он не установил защитные щиты на Грейнджеров немедленно или не отправил более компетентного защитника, обернулось, чтобы укусить Альбуса способами, которые он не считал возможными. Это одно плохое решение было предвестником всех плохих вещей, которые произошли с тех пор. Альбус не мог не вспомнить старую пословицу «из-за отсутствия гвоздя».

Дрожь пробежала по его спине, когда последняя строчка этой конкретной пословицы говорила о потерянном королевстве, Альбус искренне надеялся, что здесь не будет такого исхода.

Улыбающийся Гарри игнорировал вопросы, выкрикиваемые в их адрес прессой, даже несмотря на то, что им было заранее сказано, что ни он, ни Сириус не будут отвечать ни на один из них. Он также игнорировал попытки Фаджа приблизиться к нему физически и политически. Это его немного напугало. Был ли этот человек настолько поверхностным, что Фадж мог подумать, что об угрозе Азкабаном только потому, что с ним не оказалось дементора, можно так легко забыть? То, что Гарри знал, что Фадж использовал тот же самый метод, чтобы навсегда заткнуть Барти Крауча-младшего, означало, что в сторону министра не будет ни прощения, ни тем более доверия.

Гарри задавался вопросом, сыграло ли это знание какую-либо роль в решении Дамблдора увести его от Кроули той ужасной ночью. Однако чем больше он узнавал о Дамблдоре, тем больше понимал, что попытки угадать мотивы действий Альбуса Дамблдора были пустой тратой времени. Эти методы, вероятно, имели смысл только для самого старого волшебника.

Человек, которого Гарри с трудом мог игнорировать, был предполагаемым разумным членом Мародеров. Лунатик стоял позади группы прессы и корчил им рожи, чтобы рассмешить либо Сириуса, либо его. То, что такое юношеское поведение начало действовать на его крестного отца, заставило Гарри задуматься, вырастут ли когда-нибудь эти двое.

Никто не хотел, чтобы Эмма находилась рядом с этим цирком, и Гермиона, конечно же, предпочла остаться со своей матерью. Поскольку с ними были Добби и Винки, а у него в кармане был мобильный телефон, Гарри несколько не беспокоился об их безопасности.

Прошлой ночью они снова спали в одной комнате, и, даже узнав, что скрывается за его шрамом, Гарри никогда в жизни не чувствовал себя более любимым. Гермиона, казалось, была рядом с ним с той ночи третьего задания, и Гарри скучал по ней сейчас. К счастью, это была заключительная часть дня, который прошел намного лучше и быстрее, чем они могли надеяться. Они скоро поедут домой.

-00000-

Эмма действительно была рада провести это время наедине с Гермионой, это дало ей возможность поговорить с матерью и дочерью, которую она считала необходимой. Это было бы не похоже на обсуждение, которое она когда-либо представляла со своей маленькой девочкой.

«Дорогой, ты же знаешь, что мне нравится Гарри, он прекрасный молодой человек. Что меня беспокоит, так это жизнь, которую он был вынужден вести, и опасный выбор, который он, кажется, сейчас делает. в эти выборы тоже...»

Был прекрасный летний день, поэтому обе дамы сидели в саду под деревом ярдах в двадцати от того места, где был похоронен Дэн. Гермиона вместо того, чтобы расстроиться, взяла обе руки матери в свои и постаралась как можно искренне ответить на ее вполне понятные опасения.

«Мама, я понимаю, почему ты беспокоишься, и не могу отблагодарить тебя за всю ту поддержку, которую ты нам оказала, а также подождать, пока мы с тобой не останемся, прежде чем поднимать этот вопрос. Гарри ни во что меня не втягивает». "Я должен драться изо всех сил, чтобы просто стоять рядом с ним. Он бы предпочел, чтобы я оставался в безопасности дома с тобой. Извини, но я просто не мог этого сделать. Это все наша борьба, и это уже посетили нашу дверь».

У Гермионы, взглянувшей на место последнего упокоения Дэна, вскоре у обоих на глазах выступили слезы. «Для людей, которые пришли за нами в ту ночь, я не более чем грязная грязнокровка. Они пытаются намекнуть, что я неполноценен, но их дети каждый год заканчивают школу позади меня с тех пор, как я поступил в Хогвартс. Малфой ненавидел меня с тех пор, как мы впервые встречались. Эта ненависть взлетела до небес, когда в прошлом году я направила на него свою палочку, а затем ударила его одной. Независимо от моих отношений с Гарри, Драко Малфой всегда собирался преследовать меня - и он не был бы один. Таков мир Я живу сегодняшним днем, и мне очень жаль, что я никогда не говорил вам об некоторых опасных моментах. Для меня иметь друзей, которым я нравлюсь такой, какая я есть, было гораздо важнее, чем любое отсталое, необоснованное предубеждение, основанное исключительно на моем происхождении. Я всегда хотел предупредить тебя, когда ситуация становилась слишком опасной. Просто все произошло намного быстрее, чем кто-либо думал, даже Дамблдор был удивлен такой скоростью».

Сделав глубокий вдох, чтобы попытаться успокоить свои эмоции, эмоции, которые снова угрожали потоками слез, Эмма попыталась объяснить дочери свой самый глубокий страх. «Дорогой, я горжусь тобой во многих отношениях. У тебя всегда хватало мужества следовать своим убеждениям, даже когда ты был маленьким. У тебя есть молодой человек, который бросил бы вызов самому дьяволу, чтобы защитить тебя. эти невероятные воспоминания заставляют меня думать, что он тоже мог бы совершить этот подвиг. Затем я думаю о том, что происходит с тобой или с Гарри, и моя разумная сторона выбрасывается в ближайшее окно, и страх берет верх. Я не могу потерять тебя тоже, Гермиона, я просто не могу...»

Проиграв свою эмоциональную битву, теперь рыдающая Эмма цеплялась за Гермиону и угрожала никогда не отпускать ее. Так же крепко держась за мать, Гермиона точно поняла, откуда взялась ее мать. Ее мама потеряла самого важного мужчину в своей жизни, как и Гермиона. Одна только мысль о том, что с Гарри тоже что-то случится, связала ее внутренности узлами. Она не могла потерять и его. Настала очередь Пожирателей Смерти

нести потери, посмотрите, как им это понравилось.

Наконец, вернув себе хоть какое-то подобие контроля, Эмма вытерла глаза платком. «Мы должны сидеть здесь и говорить о подходящем поведении для вас с Гарри, и я имею в виду секс, а не борьбу с сумасшедшим и его приспешниками-убийцами».

Покрасневшая Гермиона отвечает: «Мам, не будем». вскоре они оба захихикали.

«Мы пара эмоциональных развалин. Казалось бы, мужчины в нашей жизни были разумными».

«Гарри никогда не был таким. С той ночи на кладбище в нем произошли очень заметные изменения».

«Гермиона, просто просмотр воспоминаний Гарри о той ночи изменил всех, кто это видел. Разве ты не замечала, что люди по-разному относятся к Гарри?»

— Для Гарри это обычное дело, мама. В одну минуту все его ненавидят, а потом все из кожи вон лезут, чтобы стать его другом. Наш министр, который, как мы оба видели, угрожал Гарри Азкабаном, теперь попытается стать его лучшим другом... это отвратительно».

«А что насчет этой штуки в его голове? Это повлияет на него?»

Приняв теперь фирменный прием Гарри, Гермиона пожала плечами. — Мы не знаем, и Гарри говорит, что не собирается тратить силы на беспокойство по этому поводу. Нам предстоит поездка в Тайную комнату Хогвартса, а затем подготовка к организации. Гарри будет занят, оставив людей, которые знают, что им нужно. я делаю, чтобы найти возможное решение. Гарри говорит, что это было там почти четырнадцать лет, так что зачем беспокоиться о том, что оно внезапно нападет на него сейчас или что-то подобное. оставляет меня на своем пути. Мне придется работать как сумасшедшему, чтобы не отставать...»

Увидев, что на самом деле беспокоит ее дочь, Эмма приняла меры. Поцеловав Гермиону в щеку, Эмма объяснила то, что было совершенно очевидно для всех остальных. «Это не летний роман, Гермиона. Ваш молодой человек не собирается убегать. Я боюсь, что вы его потеряете, но так не будет. Это единственное, о чем я не беспокоюсь. , скажем так, у меня совсем другой набор забот, но вы оба благоразумны...»

Тоном, мгновенно узнаваемым родителями подростков во всем мире, Гермионе удалось растянуть одно слово почти до предложения. "МУУМММ..."

-00000-

У Корнелиуса просто был звездный день, сегодня ночью его ждали приятные сны. То, что он на самом деле увидел, было его худшим кошмаром, кошмаром с красными глазами, которые,

казалось, светились злобой. Однако настоящим кошмаром было то, что эти злые глаза все еще были там, а Корнелиус уже не спал.

«Добрый вечер, министр. Надеюсь, вы не возражаете, что я заскочил вот так, без предварительной записи. Я очень хотел поговорить с вами и не думал, что ваш кабинет — лучшее место для этого разговора. Не волнуйтесь. Что касается вашей жены, Хвост хорошо держит эту ситуацию в своих руках».

Быстрый взгляд увидел, что его жена, которая тоже не спала и лежала рядом с ним в постели, теперь обхватила горло серебряной рукой.

«Я отдал эту руку моему верному слуге, так что я могу ею командовать. Если ты солжешь мне, эти волшебные металлические пальцы раздавят твою милую леди насмерть. Мы понимаем друг друга?»

Кивнув головой, Корнелиус признался себе, что не может лгать этому сумасшедшему, даже если от этого зависит его жизнь. Он также мочился в постель впервые с тех пор, как был малышом. Как Поттер смог бросить вызов этим глазам?

«Хорошо, теперь я хочу, чтобы ты рассказал мне это пророчество, которое находится в твоём Отделе Тайн».

«Я не знаю этого...» Корнелиус был прерван, когда серебряная рука сорвала ночную рубашку его жены с ее тела, как папиросную бумагу. Вскоре нагота стала наименьшей из проблем его жены, поскольку владелец этой серебряной руки наложил на нее проклятие пыток. Эти крики эхом отдавались во всем теле Корнелиуса.

Проклятие вскоре было снято, и этот шипящий голос снова мучил Корнелиуса. — Попробуем еще раз ответить на этот вопрос?

— Клянусь, я этого не знаю. Дамблдор мне не сказал, а Поттер явился в Министерство только для суда над Блэком. Никто из них не доверяет мне свои секреты... На этот раз криков не было, но Корнелиуса тошнило от этого серебра. рука бегала вверх и вниз по зверски раздетому телу жены. Она дрожала, но ужас, отраженный в ее глазах, сказал Корнелиусу, что ее тело все еще реагировало на пыточное проклятие, а не на то, что происходило сейчас.

Ожидая такого ответа от министра магии, а этому политику он тоже не поверил, Волдеморт докопался до истинной причины своего визита. «Это прискорбно, но Лорд Волдеморт тоже может быть милосердным. Я попрошу вас сделать для меня одну маленькую вещь. Вы выполните этот приказ, или Червехвост полностью насладится вашей женой в следующий раз, когда мы приедем. Червехвост может быть вполне артист, при должной мотивации, которую я обеспечиваю. Он понимает, что если мне не понравятся его усилия, я буду его мучить - чисто из воспитательных побуждений».

Увидев, что министр магии теперь принадлежит ему, даже не наложив проклятие империи, Темный Лорд воспользовался своим преимуществом. «Если будет в следующий раз, мы убьем охранников, а не оглушим и зачаруем их памятью. Тогда у Червехвоста будет вся ночь, чтобы увидеть, сможет ли он произвести на меня впечатление. быть хорошим предисловием к тому, что я сделаю с тобой..."

Легкая улыбка тронула уголки губ Темного Лорда, когда министр магии умолял разрешить ему выполнять его приказы. Эти приказы были довольно простыми. В том состоянии, в котором оказался Фадж, эти инструкции должны были быть простыми.

-00000-

Эмма ахнула от изумления, впервые увидев Хогвартс. Дамблдор сделал для группы, путешествующей с площади Гриммо, портключ, который провел их внутрь палат, что позволило Эмме тоже последовать за ними. Гермионе не терпелось показать маме библиотеку Хогвартса и, возможно, прочитать несколько книг, чтобы начать свой исследовательский проект.

Когда ее мать спросила, делает ли это Гермиона исключительно для того, чтобы увидеть Хогвартс, в ответе ее дочери прозвучала доля правды.

«Провести день с тобой в моей любимой библиотеке в деревне или спуститься по грязной трубе, чтобы отрезать кусочки от разлагающейся гигантской рептилии — для меня, мама, не сложный выбор».

Посмеиваясь, Ремус посоветовал Гермионе не использовать термин «взлом» в присутствии Снейпа.

Проведя еще один великолепный день вместе, мать и дочь с некоторым удивлением подняли головы, когда Гарри, Сириус и Ремус наконец присоединились к ним. Пара тихих Мародеров и Гарри, направляющиеся прямо к Гермионе для объятий, вызвали замечание Эммы. — Настолько плохо?

Наконец ответил Ремус. "Возможно, хуже. Впервые в жизни я по-настоящему проклял свое обострившееся обоняние. Мы вернулись почти час назад, но большую часть этого времени мылись в душевых Гриффиндора. Добби пришлось принести нам свежую одежду с заказами. сжечь остальные».

Гермиона почувствовала, как Гарри невольно вздрогнул, прежде чем он заговорил. «Снейп и Дамблдор были как дети, отпущенные на волю в кондитерской, они были слишком взволнованы, чтобы обращать на них внимание такие мелочи, как запах и гниющая плоть. Флитвик не шевельнул ни одним мускулом, просто смотрел на василиска — он мог быть все еще там, внизу. У МакГонагалл и Сириуса также обостренное обоняние. Я подумал, что это ужасно, поэтому я никогда не хочу испытать то, что дал им их нос. Мы втроем и МакГонагалл выбрались оттуда и оставили их на произвол судьбы».

«Я вытерся с ног до головы — несколько раз — и до сих пор чувствую себя грязным. Более десяти лет я гнил в Азкабанае, и это все еще худшее, что я когда-либо чувствовал. Вы, дамы, так что сделали правильный выбор, я хотел бы не спать здесь с тобой.»

"Ну, мы, девочки, прекрасно провели время..." Эмма попыталась не хихикать над их несчастьем, она действительно смеялась.

Услышав хихиканье Эммы, Гарри ухмыльнулся. Это был звук, который он хотел бы слышать намного чаще. Крики медальона, который уничтожали в зале, определенно не были чем-то, над чем кто-то из них ухмылялся в то время. Столь яркое напоминание о том, что на самом деле было в голове Гарри, действительно продемонстрировало серьезность ситуации.

Яд василиска не только очень токсичен, но и очень кислый. После того, как Сириус позвал Кикимера, сдержав обещание, данное старому эльфу, медальон был помещен в небольшую стеклянную колбу. Затем в колбу добавили яд, и он выплеснулся наружу, медленно проникая в серебряный медальон. Не было никакой двусмысленности в отношении точного времени, когда этот защитный слой серебра был нарушен. Пронзительный крик разнесся по камере во второй раз за чуть более чем два года. Увидев воспоминания Гарри об этом событии, все в комнате поняли, что был уничтожен еще один крестраж.

Наблюдение за тем, как Кречер исполнял небольшую джигу, распевая «умри, темный, умри», было еще одним сбивающим с толку воспоминанием, которое добавилось к тому множеству, которое они собирали в последнее время. Запах действительно был ужасен, так что теперь, когда хоркрукс был уничтожен, четверо участников группы вышли из комнаты.

Гарри намеревался рассказать Эмме и Гермионе, что крестраж был уничтожен, и рассказать о методе, который они использовали для этого. Им не нужно было знать графические подробности его кончины, они уже достаточно беспокоились о том, что было в его голове. Гермиона сжала его крепче, заставив Гарри посмотреть ей в глаза. Приподнятая бровь задала вопрос, и Гарри ответил легким кивком. Он должен был знать, что его подружка была в деле, и Гермиона, проводившая послеобеденное время в библиотеке Хогвартса со своей матерью, теперь имела гораздо больше смысла. Как и Гарри, она отчаянно хотела защитить Эмму от всего, что только можно.

Ни Сириус, ни Ремус не могли позволить себе такой роскоши, и, хотя запах действительно был ужасным, крики медальона беспокоили их гораздо больше. Этот исследовательский проект теперь был на первом месте в их списке «необходимых дел», к черту всякую секретность. Вытащить эту штуку из Гарри было их единственной заботой.

-00000-

Тонкс пришла немного раньше на собрание миссии, на которое ей было приказано явиться. Она села и поболтала с двумя другими аврорами, уже находившимися там, быстро обнаружив, что они не больше, чем она, понимают, о чем эта встреча. Пока люди входили по крупицам, Тонкс ломала голову, пытаясь обнаружить связь — если она вообще есть — между этой группой

авроров. Она подумала, что это может дать ей некий ключ к пониманию того, в чем заключалась эта работа, которую им вот-вот должны были передать, но не могла увидеть никакой закономерности. Они были разного возраста и опыта, четыре ведьмы и шесть волшебников. Помимо их базовой подготовки авроров, Тонкс не могла придумать ничего общего, что могло бы сделать их группой, чтобы отправиться на миссию вместе.

Ее внутренняя тревога зазвенела, когда Тонкс поняла, что у десяти авроров, находившихся сейчас в комнате, есть что-то общее: ни один из них не был чистокровным. Поскольку всем, кто сейчас находился в этой комнате для собраний, было приказано присутствовать, Тонкс не могла предположить, что этот факт может быть простым совпадением. Задаваясь вопросом, формируют ли они отряд, который будет взаимодействовать с маглами, Тонкс знала, что ее предположения подошли к концу, когда вошла Долорес Амбридж, чтобы лично дать этот брифинг.

"Доброе утро всем." Затем Долорес встала и подождала, пока все присутствующие авроры не поздороваются, прежде чем продолжить. «На днях суд над Сириусом Блэком вне всяких сомнений доказал, что в Азкабане находился по крайней мере один невиновный человек. Хотя эта администрация не причастна к отправке Блэка в Азкабан, мы были рады сыграть свою роль в доказательстве его невиновности. Однако заставили нас задуматься, можем ли мы с какой-то степенью уверенности сказать, что Блэк — единственный невиновный человек за впечатляющими стенами и обороной Азкабана?»

С чувством страха Тонкс была уверена, что поняла, в чем будет заключаться их миссия. Это не значило, что они были менее шокированы, когда Долорес наконец рассказала им об их задании.

«Мы собираемся перевозить заключенных в министерство, где все будут подвергаться допросу под действием сыворотки правды. Только тогда эта администрация сможет с уверенностью сказать, что все заключенные в Азкабане заслуживают того, чтобы там находиться. привозите их в министерство партиями по десять штук, и каждый из вас будет нести личную ответственность за конкретного заключенного». Сняв куски пергамента с лежавшего перед ней файла, Долорес наложила заклинание, которое увидело, что разные куски пергамента отлетают к отдельным аврорам.

Казалось, только половина ее разума прислушивалась к возражениям, выдвигавшимся вокруг нее, Тонкс недоверчиво смотрела на этот кусок пергамента.

Соотношение аврор/заключенный один к одному противоречило текущим правилам перевода заключенных.

Двадцать человек на транспортной лодке было слишком много, и у них едва оставалось место, чтобы использовать свои палочки, если заключенные что-нибудь попытаются сделать.

Все имена, которые были даны каждому аврору, уже прошли испытания, испытания, которые были задокументированы и не оставляли места для какой-либо двусмысленности в приговорах.

Амбридж отклонила все до единого из этих очень важных замечаний, сделанных коллегами-аврорами Тонкс, просто сказав, что они могут выполнять приказы, иначе она найдет людей, которые смогут. Тонкс знала, что у нее здесь железный кейс, она подняла руку, и уже недовольная Долорес неохотно кивнула, призывая ее говорить.

«Мадам Амбридж, боюсь, я должен отказаться от вашего приказа. Если я этого не сделаю, меня самого посадят в Азкабан. Имя, которое вы мне дали, — член семьи, сестра моей матери. Я не могу нести личную ответственность за этого заключенного...»

Другие поднятые вопросы были инструкциями, которые их новый босс игнорировал, это был фактический закон. Вся комната затаила дыхание, ожидая, не нарушит ли Амбридж законы страны в этом вопросе — законы, за соблюдение которых она должна была отвечать.

Когда кусок пергамента с написанным на нем именем Беллатрисы Лестрейндж покинул ее колени, Тонкс вздохнула с облегчением. Однако это облегчение было недолгим, Амбридж просто поменяла свою тетю на другого пожирателя смерти, Августа Руквуда. Аврор, который теперь лично отвечал за доставку Беллатрисы Лесранж из Азкабана в Министерство, казалось, был готов потерять свой завтрак.

— Я полагаю, вопросов больше нет? Не дав никому времени задать больше вопросов, Долорес собрала свои вещи и ушла. Крича через плечо, что лодка отойдет от пристани в 2 часа дня.

Авроры сидели в ошеломленном молчании, только вид старшего аврора Шеклболта, снимающего чары разочарования, которые он, очевидно, наложил на себя, развеял оцепенение, охватившее комнату. Шак подал сигнал к тишине и запер, а затем опечатал дверь. Уловив это, некоторые авроры начали накладывать на комнату заглушающие чары. Когда они были закончены, все пытались говорить одновременно, пока старший аврор не взял под свой контроль комнату.

«Я не знаю, что она задумала, но это пахнет хуже, чем ванна, полная рыбьих голов недельной давности. Что мы знаем точно, так это то, что Амбридж — любимица Фаджа, поэтому поднимать эту жалобу выше было бы пустой тратой времени — и карьеры. .»

Никто не оспаривал доводы старшего аврора, но Тонкс хотела добавить еще кое-что. «Шак, так как лодка не отходит до двух, к тому времени, когда мы вернемся к пристани с заключенными, уже стемнеет. Вот что меня беспокоит — это просто некомпетентность со стороны Амбридж или что-то гораздо более зловещее?»

Теперь, когда эта мысль появилась, ворчащие стали более сосредоточенными — сосредоточенными на своем выживании. Шеклболт резюмировал это довольно просто. «Авроры потеряли свои жизни, отправив некоторых из этих людей в Азкабан, в первую очередь, никто здесь не должен подвергаться опасности из-за этого дурацкого поручения. чтобы сбежать". Гарри Поттер показал нам метод борьбы с Пожирателями Смерти без необходимости непростительных действий, это метод, который я хочу, чтобы вы использовали для этой миссии. Я бы предпочел сообщить их семьям, что они потеряли любимого человека, вместо

того, чтобы поговорите с вашими. Мы авроры, мы обучены работать в команде и прикрывать друг друга за спину. Я думаю, что обучение будет очень важным в этой миссии».

Это была мрачная, но решительная группа авроров, которые в конце концов покинули конференц-зал. Тонкс задержалась, чтобы поговорить с Шаком. «Вы заметили, что никто из нас, выбранных для этой миссии, не был чистокровным? Это должно быть преднамеренно».

«Взгляды Амбридж на чистоту крови хорошо известны, я уверен, что это намеренно. Авроры, которых она выбрала, либо уйдут в отставку, либо примут глупо опасную миссию, беспроигрышная для Амбридж. Это худшие из транспортируемых Пожирателей смерти, с ни черта не надеясь, что кто-то из них будет признан невиновным на повторном суде. За этим стоит что-то большее, вот почему я стоял в углу разочарованный. Мы оба знаем, что Амбридж что-то замышляет, просто не на чьей она стороне. Я свяжусь с Амелией и Грозным Глазом, посмотрим, что они из этого сделают. Береги себя, Тонкс, а мы тебя прикроем.

-00000-

Тренировочная комната в Гриммо наконец-то была готова, и Сириус, Амелия и Грозный Глаз прогоняли своих шестерых стажеров по своим темпам. К Гарри и Гермионе присоединились Сьюзен и трое младших братьев Уизли. Молли неохотно согласилась на присутствие близнецов и Рона, однако она уперлась в своем предполагаемом участии Джинни.

Они начинали с основ — выбора заклинаний, скорости стрельбы и точности. Манекены, установленные в одном конце комнаты, начали бить, прежде чем Шак прервал их.

Быстрое объяснение того, что произошло на брифинге авроров, взволновало троих тренеров так же, как и Шака.

«На суде Беллатриса хвасталась, что ее хозяин вернется и освободит их — прежде чем убить всех остальных. Нет ни малейшего сомнения в ее виновности, так что это ерунда — или гениальность, в зависимости от того, кто командует». Это заставило других взрослых спросить Шизоглаза, что он имел в виду под этим замечанием.

«Зачем штурмовать Азкабан, чтобы освободить своих последователей, когда вы можете заставить Министерство Магии доставить десять самых бешеных из ваших Пожирателей Смерти прямо в ваши руки. Я не вижу другой причины для этого, может кто-нибудь еще?»

"Что мы можем сделать?" На вопрос Гарри ответил его крестный отец, который никому из стажеров не понравился.

«Ваш вклад на этапе планирования будет оценен, но никто из вас не будет участвовать ни в чем другом. Это только ваш второй урок, вы далеко не там, где мы требовали бы, чтобы вы были, прежде чем санкционировать ваше участие в какой-либо миссии». Поскольку Грозный Глаз и Амелия согласились с Сириусом, шестеро остались без опоры, чтобы отстаивать свою

точку зрения.

«Я попросил об обучении, потому что знал, что не готов делать то, что мне нужно. Тогда я действительно не могу идти против мнения людей, проводящих обучение, о котором я просил». Признание Гарри решило вопрос и облегчило его крестному отцу, который готовился к их первому бою.

Шак спросил, где Ремус, Сириус сказал, что он выполнял поручение с Эммой, и увидел, как Гермиона предлагает связаться с ними. Прежде чем они успели спросить, как, изумленные Шак, Амелия и Грозный Глаз увидели, как эта юная ведьма смогла поболтать со своей матерью с помощью устройства, которое легко помещалось в кармане.

«Да, мама, я уверен, что здесь все в порядке. Никто не пострадал, мы только что начали тренировку. Можешь надеть Ремуса? Аврор Шеклболт хочет поговорить с ним».

Вручив черному аврору свой мобильный телефон, Гермиона хихикнула, когда он попытался подражать тому, что она делала, но держал телефон вверх дном. Как только он разобрался с этим, он быстро сообщил новости Ремусу, который пообещал, что они будут дома как можно скорее.

Сразу же увидев возможности, Амелия первой спросила, где ей достать одно из этих устройств. «Когда Пожиратели Смерти нападали на чей-то дом, они обычно отключали камин и ставили защитные щиты вокруг собственности. Люди внутри не могли убежать или позвать на помощь. Наличие такого устройства, по крайней мере, решает одну из этих проблем. "

Шак и Грозный Глаз понимали, что Амелия изначально думала о безопасности Сьюзен, но они оба заметили тактические последствия того, что члены Ордена получают к ним доступ. Они хотели знать, какие ограничения были у этих устройств.

Гермиона была в своей стихии, распространяя информацию среди людей, которые действительно интересовались тем, что она хотела сказать. «Мы не думаем, что они будут работать в областях с высоким уровнем магии, таких как Хогвартс или Министерство магии. Единственным другим ограничением является их зарядка — электричеством. Зарядные устройства есть в нашем доме, и Добби заглядывает туда каждые несколько минут. ночей, чтобы подключить их. Если мама и Ремус сегодня преуспеют, это скоро не должно быть проблемой...»

Сириус мог видеть и тактическую сторону этого, и его идея арендовать два дома теперь выглядела все лучше и лучше. Почти каждый член Ордена, которому они снабдили телефоном, нуждался в доступе к первому дому, чтобы зарядить его.

Эмма ворвалась в комнату, тут же заключив в объятия Гермиону и Гарри. — Скажи мне, что ты не собираешься на эту миссию?

«Эмма, мы договорились, что отправимся на миссии только тогда, когда наши инструкторы скажут, что мы готовы. Они все согласились, что это не так. Мы будем сидеть рядом с тобой, когда эта миссия завершится».

Услышав это от Гарри, Эмме понадобилось сесть, потому что от облегчения ее ноги чуть не подогнулись под ней. Узнав о разворачивающейся ситуации, Ремус задал вопрос, на который никто из них не знал ответа. — Привлечем ли мы к этому Дамблдора?

-00000-

Сказать, что отряд авроров был в напряжении, легко назвать преуменьшением года. Слово «напряженный» вряд ли соответствовало их состоянию во время путешествия в Азкабан. По прибытии их встретил очень рассерженный надзиратель. Он получил приказы, но сверял их со своим, выискивая малейшие аномалии или несоответствия, которые давали бы ему повод остановить этот безумный перевод заключенных. Не найдя ни одного, переводимые заключенные были скованы наручниками и связаны до такой степени, что их пришлось левитировать на лодку.

В таком замкнутом пространстве ее сумасшедшая тетка вскоре нашла имя Тонкс.

«Ты, должно быть, отродье Анди. Моя сестра-предательница, эта мерзость, ради которой она бросила свою семью, и любое отродье, которое они произведут, будут одними из первых, кто почувствует гнев моего хозяина, когда он вернется. Те, кто откажется склониться перед моим хозяином, все умрут. На этот раз мы все сделаем правильно...»

Заглушающие чары заставили суку замолчать, но злобную ухмылку Беллы нельзя было отрицать. Она достигла своей цели: каждый аврор на корабле был напуган за свою жизнь, а все ее собратья-Пожиратели смерти были готовы наброситься, если представится возможность.

Когда лодка наконец подошла к каменному причалу, выступающему в маленькую бухту, на борту не было никакого чувства облегчения. Все понимали, что если и произойдет нападение, то оно, скорее всего, произойдет именно здесь.

На лодочника также повлиял отвратительный груз, перевозившийся на его судне. Желая избавиться от этой грязи со своей любимой лодочки как можно быстрее, он загнал иглы в красную зону с того момента, как они очистили пристань Азкабана. Это привело к самому быстрому переходу, который он когда-либо совершал, и солнце медленно опускалось, пока он вел свой корабль к причалу.

Из-за положения прилива причал был фактически выше палубы. В этом не было ничего нового для этой лодки, заколдованные швартовые тросы автоматически вырвались и закрепили судно. Теперь, когда двигатели остановились, тихие сумерки дали им краткий миг надежды, прежде чем одинокий голос разрушил и их надежду, и тишину.

«Я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы вернули мне моих самых верных последователей, но я, вероятно, не буду». Темный Лорд и около двадцати его последователей в масках теперь стояли на пристани и смеялись над пассажирами лодки в добрых десяти футах под ними.

Заглушающие чары, наложенные на Беллу, давно рассеялись, ее торжествующий крик «МАСТЕР» был последним звуком, который она когда-либо издавала. Стоя с палочкой наготове, как и большинство авроров, Тонкс не боялась признаться, что была в ужасе. Победный крик ее ненавистной тети заставил юного аврора переключить внутренние органы. Тонкс, все еще напуганная, теперь тоже сражалась с ума. Ее безмолвное пронзительное проклятие гарантировало, что ее тетя никогда не поднимет палочку против своих родителей или кого-либо еще.

Кровь, брызнувшая изо рта Беллы, на долю секунды заморозила смеющихся Пожирателей Смерти на пристани, Тонкс знала, что это было все время, которое у нее когда-либо будет. Она наложила свое самое мощное взрывное проклятие не на Пожирателей Смерти, а на пристань, на которой они стояли. Док был построен из собранных и уплотненных камней, которые затем были покрыты слоем булыжника. Взрывное проклятие разнесло большой кусок дока, но, что более важно, увидело град смертоносных осколков, вонзившихся в сбившихся в кучу Пожирателей Смерти.

На лодке раздался крик: «За Свет». Это привело к тому, что еще несколько авроров переняли тактику Тонкс и выстрелили взрывными проклятиями в доки, а те, кто этого не сделал, были заняты тем, чтобы ни один из их заключенных в Азкабана не сбежал - то есть живым.

За гневным ревом истекающего кровью Темного Лорда последовало мощное проклятие, сверкнувшее из его палочки. Проклятие было настолько сильным, что нос корабля мгновенно разрушился, а Пожиратели Смерти и авроры оказались сброшенными с палубы в море. Судно быстро тонуло, а авроры, все еще находившиеся на борту, были вынуждены нырять в воду, и ход битвы резко изменился.

Пожиратели Смерти, все еще стоявшие на причале, теперь эффективно стреляли в рыбу из бочки. По крайней мере, так и было бы, если бы на них внезапно не обрушился шквал смертельных проклятий с двух разных сторон.

Оглядевшись, Волдеморт снова вспыхнул. В то время как он и его последователи стояли на открытом скалистом пирсе, теперь они находились под огнем волшебников и ведьм, которые укрылись вокруг маленькой бухты. То, что эти люди тоже играли на деньги, на них еще не было брошено ни одного станнера, удивило Темного Лорда. Признание Дамблдора членом атакующей группы не оставило ему другого выбора, кроме как приказывать тем из его последователей, которые еще могли отступить, сделать это. Лорд Волан-де-Морт покинул сцену, думая об убийстве, медленном и мучительном убийстве того, кто раскрыл его планы.